

Ольга ШИЛЕНКО

АЛМА-АТИНСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Эль

Бельгера хоронили как Виктора Гюго. На похороны пришла тысяча человек. Эссеист. Прозаик, Критик. Трилингв. Поистине – если знающий два языка – дважды человек, то знающий три языка – трижды человек! Прибавьте ко всему великую душу и Человечность. Тысячекратно Человек. Его хватало на всех тех, кого хватало на него. Он умел платить за добро – добром. За любовь – любовью.

Я люблю его книгу «Эль». Книга о детстве, родине, любви к родной земле. Читая эту книгу, я вспоминаю рассказы своего отца о детстве в Казахстане.

«Мы жили рядом с богатым баем, – рассказывал отец. – Жена его Айнур, богатырша, после родов имела такие большие полные груди молока, что её грудной младенец не отсасывал и половины. Тогда она подзывала меня к себе: “Ну что, Ваня, кель!..” И я, трехлетний, еще не забывший вкуса материнского молока, с радостью садился ей на колени, сосал грудь. Она любила меня, и это вошло в меня с её молоком. Теперь, живя в России, я невыносимо скучаю по Казахстану, люблю, тоскую. Когда встречаю нечаянно женщину казашку, чувствую непреодолимое желание обнять её и целовать её руки...» Примерно о том же книга Бельгера «Эль». Рассказы прославленного писателя и моего отца слились воедино, и я уже их не различаю. Они до того родные и проникновенные, что я снова и снова переживаю и проживаю жизнь, воспоминания и счастье, переданные мне по генам. По генам передана и любовь к Казахстану.

Боязнь справедливости

Мой отец, прочитав «451⁰ по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, был возмущен предвидениями фантаста.

Еще бы! Рэй Брэдбери предсказывал библиофобию – страх и неприятие человечества к книгам. Он обещал нам эту фобию уже в XXII веке.

Фантаст живо рисовал картину общества, которая создаст службу специальных пожарных, которые будут отслеживать помещения, где есть книги, и сжигать их.

Только теперь я понимаю, почему подобное произойдет. Шизогония модернистов, выпендрож, трюкачество, выкрутасы и бессмысленная игра в шарды андеграунда, бесплодное порождение литературы ради литературы породят и уже порождают аллергию читателей на эту книжную утопию, на это «бормотанье сверчка и ребенка», на бред сумасшедших с болезнью яркого воображения, которое бесплодно только у гения.

Но гении рождаются раз в сто лет, да и то их отличает здравый смысл и ясность мышления, каким бы ярким воображением они ни обладали.

Выходит, новая волна писателей неосознанно или сознательно приближает литературу в... тупик еретиков, ведущих нас во времена, когда книги будут сжигать за ересь и шизогонию.

– Рукописи не горят! – горячо возражал мой возмущенный пророчествами отец. – А уж книги бессмертны, это точно. Бессмертны и священны.

И Рэй Брэдбери, и мой отец заблуждались. Я увижу библиофобию гораздо раньше. Сначала в конце XXI века у своих родственников и знакомых, делающих ремонт в домах и решительно избавляющихся от книг. Книг словно стеснялись, ими раздражались, их прятали в сараях, гаражах, уносили на мусорки.

Странное убожество в домах – исчезновение книг подчистую я буду с тревогой замечать в начале XXI века в деревнях. Книги безжалостно сжигались в банях, пускались на растопку печей.

Именно тогда я увижу метрофобию – неприятие поэзии. Новая волна андеграунда, авангардизма, постмодернизма отшатнула МИЛЛИОНЫ читателей от библиотек и книжных магазинов.

Мы – свидетели исчезновения того священного трепета перед книгой как перед иконой.

Потом я поймаю себя на мысли, что и я кощунствую, бросая в мусорное ведро сборники стихов с такими названиями, как «Шар из синей пластмассы», «Кривой стих», «Ветвь пустоты», «Антишедевро», «Без названия». Впрочем, а кто, собственно, кощунствует? Эти воинствующие графоманы или мы – все восставшие против дурновкусия и наглой суррогатоподобной подделки под литературу? Против эрзаца и хорошо спланированного и оплачиваемого Западом вредительства? Отучить молодежь мыслить и внятно говорить, сделать ее послушным быдлом и винтиками в мясорубке дьявола, – вот задача враждебной идеологии. Сверхпрограмма машины, которая работает на уничтожение личности Человека.

Ожог

Живопись любимшего Алма-Ату Фариды Байгельдинова – это живопись поэта и философа. С такими художниками соперничать трудно. У поэта краски поют звонче и чище, а у философа они превращаются в музыку.

К сожалению, у меня нет каталога картин этого замечательного живописца, портретиста и графика. Но все его работы живо стоят в памяти.

Чего только стоит его «Купальщица на Иссык-Куле». Она у него рыжая и белокожая – местная Венера. И это надо видеть, как удалось художнику передать в красках тот нежный солнечный ожог, какой бывает только на высокогорном Иссык-Куле. Красотка выходит из воды, точно ошпаренная не только солнцем, но и горячим испарением от песка. Она вся влажная, алая, сомлевшая от неги и зноя, утомленная солнцем и купанием. Её немного знобит от ожога. Ты чувствуешь, как уже болит и горит её белокурая кожа, и от этого она кажется особенно трогательной, жалкой и прекрасной. Пурпурная, ошпаренная солнцем купальщица и знобящая синь Иссык-Куля за ее пышущей раскаленным жаром спиной...

Ничего подобного еще никто не создавал. Она словно живая, его купальщица. Живые, жаркие у него и «Подсолнухи». Живые, жаркие, созревшие. Их хочется пробовать на вкус и запах. Живым кажется и его козлоногий знойный Фавн, прячущийся за огромным валуном, будто высматривающий себе добычу. В нем художник видит немного и себя. Вожделенный взгляд, пылливый ум, ЖГУЩИЙ огонь во взоре, печать раскаленных переживаний на челе.

Любимые цвета художника – сиреневые, охра и пышущие алые. Он пишет удивительные пылающие ночи Алма-Аты – ристалища огней, звезды, площади, ветреные пустыри, горячие цветы.

И, наверное, это самый проникновенный портретист в городе. Портреты его впечатляют и соперничают мастерством с несравненным Валентином Серовым. Они рассказывают об алма-атинских людях такое, что можно передать только в линиях. Это характеры, судьбы, таланты, драмы, трагедии. Это то, о чем нельзя рассказывать топорным языком.

Картины Фариды Байгельдинова можно встретить в частных коллекциях и галереях различных стран. Талант его не оценен по достоинству соотечественниками, поскольку расцвел в суровые девяностые годы, когда всем было не до того. А потому наша страна уже никогда не увидит тех удивительных полотен и шедевров, которые варварски, рвачески, за бесценок вывозились толстосумами за границу.

И всё же надеюсь, что дух Фариды Байгельдинова возрадуется сегодня хотя бы от того, что есть люди, которые помнят о его обжигающем таланте художника. Знают и читают его книги прозы «Ветры в гривах», «Италийские наброски». А также его неординарный сборник стихотворений «Астральный взгляд», из которого всегда помню эти строки:

И что дороже для меня?

Так и не выбрал между прочим –

Надёжнейший булыжник дня

Или алмаз волшебной ночи...

Разоблачение олимпийцев

Олимп в греческой мифологии – гора в Фессалии, на которой обитают боги. Название Олимп – догреческого происхождения, возможна связь с индоевропейским словом *ulu* – «вращать» (в русском языке, к слову, «юла» имеет то же происхождение), что наводит на мысль об искусственном происхождении круглой горы, которая была когда-то космическим кораблем. Поросшая вековой пылью и садами гора таит в себе следы дворцов Зевса и других богов, построенных и украшенных Гефестом. По преданию, ворота Олимпа открывали и закрывали горы, когда боги выезжали на своих сверкающих колесницах.

Олимп мыслился символом верховной власти нового поколения богов-олимпийцев, победивших титанов. А что, если этот миф вовсе не миф, а правда о цивилизованных перволюдях Земли?

Были катаклизмы, шли войны с титанами, Земле угрожала катастрофа, всемирный потоп. Развитая цивилизация землян позволила сильнейшим из них улететь на Марс.

И вот они вернулись, еще более развитые и сильные, снова на свою родину Землю. И стали жить на Олимпе. Они победили сверхоружием титанов, сделав жизнь землян счастливой.

Помня, что Они, боги, тоже люди, Олимпийцы не чурались вступать в разные связи, в том числе и любовные, с простыми смертными, народив таким образом кучу полубогов и улучшив человеческий род.

Олимпийцы не могли только одного – питаться чем-то еще кроме своей космической пищи – амброзии, которая рано или поздно кончилась, что привело к вырождению.

Одно небо – свидетель того, как умирали последние боги Олимпа. Их глупую тайну хранит черное чрево горы Олимп.

Просто так подобные вещи в голову не приходят. Витает же какая-то информация под вечным покоем, если еще раньше я писала:

*Земляне тосковали по Земле,
 ...Отчетливо всплыла картина эта.
 И зазвучал их ропот в полумгле
 На красноватой в кратерах планете,
 И покатались стоны по золе,
 И оглушили синим эхом полночь.
 Земляне тосковали по Земле...
 Но нам об этом никогда не вспомнить.*

«Дорожи этим стихотворением, – сказала мне Вера Галактионова перед отъездом из Алма-Аты, – оно тебе еще подарит сюжеты».

Подделки нового времени

Булочник перехитрил молочника, молочник – колбасника. Колбасник на- колбасил на столе винодела, винодел – на столе фармацевта.

Фармацевт перехитрил всех, кроме Смерти, которая таилась в эрзацах. Перехитрив меня, ты перехитрил себя.

Жирные чернила

Жил у нас в городе причудливый поэт Саша С. И если самоуничужение паче гордыни, то был он достоувавно велик в своем самоуничужении.

*Меня любить нельзя
 За всё, что в жизни было,
 За лживые глаза,
 За жирные чернила...*

Бывало, что его самоуничужения доходили до исступления, и он писал: «Я просто забываю застрелиться!»

Помню, из этой строки сама собой вытекла шутивая пародия:
*...Зачем-то забываю даже спиться,
 Почить на лаврах в бозе среди роз,
 Отдать концы. И рай мне только снится,
 Поскольку, вишь ли, одолел склероз...*

Прочитав эту пародию и посмеявшись, Саша подарил мне свой портрет в связи с отъездом из Алма-Аты.

Когда художник художнику дарит свой портрет, это не обязательно портрет на память. Возможно, это дорогие подрамник, холст, рама, которые просто жаль выбрасывать...

...Творчество Саши мне было непонятно, но я зачем-то скажу ему однажды, что он большой поэт и художник. Наверное, потому, что знала, что у него кроме творчества больше ничего нет.

Он ревновал Музу к другим поэтам, как любовницу, и оттого был неискренен в адрес тех, с кем соперничал. Это меня очень огорчало и огорчает до сих пор.

На холсте, где Саша изобразил себя настороженным и каким-то незащищенным, я нарисую липы и укусное дерево. И теперь его острые глаза словно смотрят в окно сквозь листья моих осенних растений. Глаза будто тревожатся, что я разоблачу, увижу его тайну или открою свою. Но тайны никакой нет.

Ничто так не разоблачает поэта, как его собственные стихи.

Губы нараспев

Джек Алтаузен, современник нашего казахстанского Павла Васильева, погиб в бою под Харьковом в 1942 году. Был комиссаром батальона, первым среди поэтов Великой Отечественной награжден орденом Боевого Красного знамени.

Критики писали о покоряющем пафосе человечности и душевной чистоты, свойственном поэзии Джека Алтаузена.

Помню его строчки: «Облик твой, твое лицо и тело / тонкий стан и губы нараспев».

Нечто подобное было и у яркого колоритом и талантом Павла Васильева, и тоже – «сердце нараспев».

Представляю, как молодые и горячие (Павка, двадцать пять лет, Джек – двадцать восемь) могли остервенело придраться друг к другу. Ведь кто-то из них украл это претенциозное «нараспев». По мне так ничего выдающегося в этих образах нет. Но поэты схлестнулись по-детски наивно и горячо, выясняя: кто же первый? Трагические последствия этой стычки известны. Джек Алтаузен был избит Павлом Васильевым. После чего над судьбой Васильева сгустились роковые тучи.

Гибель Павла Васильева так или иначе сопровождает тень Джека Алтаузена... Если бы не та драка!..

До боли нелепая трагедия. Кто-то ищет виноватых. Павел умер, а Джек оставался жить... Итак, это его Мартынов, итак, это его Дантес?

Джек Алтаузен не хотел пересудов в виде версий и предпочел уйти добровольцем на фронт. Лучше геройская гибель, чем ярлык Дантеса. И он геройски погиб в бою.

Нет ничего страшнее, чем судьбы названных поэтов, скажете вы. Но я знаю страшнее...

История еще двух поэтов – Николая Рубцова и Людмилы Дербиной.

Когда я читала исповедь Людмилы Дербиной, убийцы Рубцова, душа моя содрогнулась над её пророческим стихом:

*Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы ...*

Рубцов был убит Людмилой Дербиной в тяжелой ссоре 19 января 1971 года, как и предсказывал:

...Я умру в крещенские морозы.

Душа моя скорбела и ненавидела убийцу любимого поэта, когда я читала жестокие обвинения в адрес Людмилы Дербиной... Она еще смеет оправдываться!!!

Душа моя плакала, когда пришлось выслушать другую сторону. Сердце простило убийцу. Разум потянулся к её таланту, погубленной жизни, стихам. Разве она мечтала о такой судьбе? Стихи поэтессы были неординарными. Иначе с чего бы это влюбленный Рубцов стал писать восторженное предисловие к её сборнику «Крушина»? Поэты влюбляются друг в друга по родству душ, а убивают?..

Почему Мартынов убил Лермонтова? Ведь он единственный из современников вспоминал о друге с любовью. Мартынов единственный, кто видел и свидетельствовал о таланте и красоте Лермонтова. Все остальные начинали

рассказ о великом пиите примерно так: «...Это был некрасивый, низкорослый человек, с кривыми ногами, с дурным характером и мрачной душой...» Некоторые современники утверждают, что Лермонтов вынудил поэта Мартынова на конфликт, приведший к дуэли. Еще трое современников доказывают, что Лермонтов, страдающий депрессией, тяготился жизнью и жаждал погибнуть на дуэли, как Пушкин. Ибо толпа любит трагические фигуры убитых и распятых. Лермонтов знал, что дуэль сделает его имя бессмертным...

Что касается поэта Мартынова, то его таланту суждено было поникнуть как еще не расцветшему бутону. Защитившие себя убийцы стихов не пишут. А если пишут, то стыдятся их, ведь они убийцы. Горечь поклонников погибших гениев как бы нашептывает: почему Он, а не ты?

Шесть поэтов. Шесть судеб. Шесть витающих ангелов в образе матерей, которые хотели своим чадам счастья, а увидели обратное.

Но не природа-мать нам так устроила.

Мы сами так устроили себе,

Судьбы единственной платя устоями

По глупости,

По пьяни,

По хвальбе.

(Сагин-Гирей)

Наталья ВИКС

ПРАЛЕКСЕМА *С

Несколько лет назад, будучи в дружеской компании, во время одной игры, мне пришлось назвать некоторые жидкости человеческого организма: слизь, слюни, слёзы, сукровица. Друзья высказались про слизь более конкретно: сопля. Есть ещё, пардон, семя, если человек мужского пола. И даже если мы назовём данную жидкость медицинским термином, калькированным с древнегреческого языка, т. е. сперма, то всё равно она будет начинаться на *с.

А что делают жидкости? В частности, слёзы с лица? Они *стекают. Сукровица – *сочится.

Если мы возьмём некоторые глаголы, начинающиеся на *с: стремиться, спешить, сбегать, свистеть, сечь, снимать, спускать, сражаться, стараться, стегать, стрелять, строчить, струиться, стучать, – то заметим, что вот эта *с, скорее всего, является пралексемой, доставшейся нам от праиндославянского языка либо *санскрита (заметьте, тоже на *с), со значением движения от человека, в *сторону, в любую, но главное – не внутрь, а наружу и дальше, то есть это, по сути, вектор.

В плане глаголов, конечно, он чувствуется конкретнее и *сильнее, так как они и *существуют, чтобы обозначать действие, движение, подвижность относительно неподвижной среды, но если рассматривать более древние *существительные, в которых сохранилась эта пралексема, то тоже можно отметить значение *смещения или движения.

Как уже можно было заметить, я отмечаю астеризмом * слова, которые также имеют отношение к данной теме.

Итак, возьмём то, что было в начале.